

Если петрозаводский писатель Дмитрий Новиков пишет манифест «северной прозы», то Василий Авченко из Владивостока выстраивает свою футурологию на основе Севера, на основе познания, осмысления географии и пространств, через подключенность к ним.

Север манит, завораживает, притягивает к себе. Он есть чудо и тайна. А еще Север — одна из главных скреп для огромной страны, которая находится над социальными, идеологическими, религиозными различиями. Примиряет их, соединяет. Это не вечная мерзлота, а постоянное преобразование, цепь чудесных метаморфоз.

Философия Севера — это и есть философия большой страны, уникальной цивилизации. Что та же формула «Москва — Третий Рим», только ушедшая в снега, драгоценно в них сверкающая, обретшая совершенно неповторимое географическое и пространственное звучание.

В огромной стране Север убирает все противоречия. Выстраивает систему отражений, созвучий, подобий, преодолевая через них пространственную протяженность, когда расстояния перестают быть проблемой, преградой и чем-то разобщающим. В этой системе отечественное Приморье легко отражается в Поморье и наоборот.

Так по итогам поездки в Архангельскую область, в Северодвинск, Василий Авченко написал в своей книге «Кристалл в прозрачной оправе»: «Все безумно далекое от моего мира места, в существовании которых я никогда не был по-настоящему уверен, но которые близки и значимы для меня ровно в той же степени, что и все остальные места России». Это не просто модная страсть к путешествиям, а мистическое сопричастие с географией страны. На Русский Север с Дальнего Востока он поехал, чтобы «потрогать Россию с другого бока ее по-прежнему титанического тела, которое, как ни странно, едино». Через это сопричастие и пространство становится сакральным, способным на любое чудо.

Маршрут этот не случаен. Еще писатель Олег Нуваев горел замыслом пройти небольшой группой на парусно-моторной лодке Севморпутем от Певена до Архангельска. Все тем же путем первопроходцев, только в обратном направлении.

В биографии Нуваева «Повесть о нерегламентированном человеке», написанной Авченко в соавторстве с блестящим нижегородским филологом Алексеем Норовашно, есть рассуждения о «коде Севера». О том, что отечественная литература является северной по преимуществу. Что в «нордичности» кроется ее главный секрет — свежеевымороженной, дезинфицированной самим гиперборейским пространством». Отмечается также, что, по Нуваеву, Север — «территория особая, она преображает, облагораживает даже тронутую душевной коррозией человека». Поэтому и Север становится у него героем книги: «Территория, нующая людей крепче любых гвоздей». Поэтому и разговор от места и пространства переходит к «нрупнокалиберным мужикам». Например, утверждается, что тот же Нуваев связан с Гагариным поколенчески, а сама его жизнь — «приземленный в хорошем смысле слова вариант гагаринской судьбы».

Оба навсегда соединены с пространственными координатами: Гагарин — с бесконечностью неба, Нуваев — с тайной периферии, земной неизведанности. Не случайно сам он называет себя «периферийцем». И это устремление, как отмечают Авченко с Норовашно, имеет «глубокие корни в российской истории», где зачастую «итоком бегства от государства становилось расширение и усиление государства».

В нуваевской биографии приводятся его высказывания о «людях особой формации», «полубогах» — открывателях Колымы и Чукотки, в противоположность которым молодое поколение современников — «ниское».

В таких «полубогах» преображаются, когда срастаются с территорией, становятся больше себя и возвышаются над своей природой, своей ограниченностью. Таков Нуваев — «настоящий, как рыба и металл северных рек». Через эту настоящность человек становится поэзией. Все потому, что «камни и вода дают удивительное ощущение связи всего сущего». А это уже из «Кристалла в прозрачной оправе» Василия Авченко, где дальневосточный литератор также говорил о человеческом «кристалле» — Нуваеве. О «чувстве географии» и открытости чуду, о котором пишут Михаил Тарновский и Илья Ночергин.

Да и уже упоминавшийся Дмитрий Новинов все о том же: о Севере с его испытывающим и преображающим действием, о людях северных — «поморской стали», которая что сосна гнется, но не ломается. Тем более что впереди — «Все равно пройдет морок и солнце выглянет. Все равно утро будет». Знание это дает Север преображений.

Где-то в этом пространстве географии и человека заключены ключи к пониманию мира. По крайней мере, мира отечественной цивилизации.

* * *

Василий Авченко начал с разговора об инаковости, особости. Своеобразной неправильности, в которой, как оказалось, заключена множественность смыслов, отражающих культурно-историческую суть переходного времени, — «Правый руль».

Эта инаковость заключается в самой принадлежности к провинции, к отечественной периферии, с уничижительным восприятием которой

Его путь рыб между камнями привел к «нерегламентированному человеку» Олегу Куваеву и Александру Фадееву. Для Авченко важна географическая приписка, но она не локализует, не ставит рамки, не превращается в краеведение кулика, расхваливающего свое болото, но, наоборот, расширяет горизонты.

автор борется. Провинция — особые уникальные голоса. «Другая Россия», «иное измерение, где по-другому организованы пространство и время». Этот особый мир в то же время является частью «большого космоса — России, в который входит целая нуча микрокосмосов».

В ходе своего литературного пути Василий Авченко описал «Глобус Владивостока» и даже обозначил перспективы «Владивостока-3000». Исследовал камни и рыб, которые плавают между ними, отвечивая драгоценностью. Они не могут говорить, но в состоянии излучать мудрость. Так, мудрость рыбы как раз в том, что она тянется к Северу, поэтому «когда люди станут умнее, они потянутся на север». А здесь — северная страна Россия, где «холоднее всех». Мы «зажатые во льдах челюскинцы», морозы «часть нас самих». Зачем убегать от себя, зачем пытаться увечить себя и становиться тем, кем не являемся?.. Поэтому и Авченко не дезертирует, а исследует то самое время и пространство «инога измерения».

Его путь рыб между камнями привел к «нерегламентированному человеку» Олегу Куваеву и Александру Фадееву. Для Авченко важна географическая приписка, но она не локализует, не ставит рамки, не превращается в краеведение кулика, расхваливающего свое болото, но, наоборот, расширяет горизонты.

Этот разговор привел к осознанию необходимости смены географического вектора. К необходимости преодоления этого векового и типичного для страны стереотипа, к пониманию множественности путей, возможности выбора. Путь на Запад — монополизм направления, который включает мощный пылесос центростремительного движения, перечеркивающего центробежные процессы, оставляющего за собой пустыню. А ведь есть еще громадные Север и Восток. Россия — огромная цивилизация, нет никакого смысла сжиматься и утыкаться в одно, умаляя и расчленяя свое естество.

Через множественность путей создается большая территория большого человека. Влюбленного и бунтующего против стереотипного взгляда, в том числе на географию. Выступающего за децентрализацию: не разборку на составные, а собиание страны через ее территории, периферию.

«Писатель Алексей Иванов, выступая за децентрализацию российской жизни, сказал в одном из интервью, что для него оставаться в Перми — своего рода гражданская позиция. Для Тарновского, мне кажется, жизнь в енисейской тайге — тоже не только личная, но и гражданская позиция. Мне, как убежденному жителю Владивостока, хочется, чтобы это превратилось в, если угодно, моду», — писал Василий Авченко в предисловии к роману Михаила Тарновского «Тойота-Нреста». Там же он отмечал, что «одновременно с ощущением огромной страны у Тарновского присутствует и ощущение зыбкости этой огромности».

Василию Авченко повезло, что он вырос и живет во Владивостоке, а дальневосточной России повезло с Авченко. Пусть Владивосток и не Нитежград, но он обладает особой тайной и магнетизмом. Город-мечта для огромной страны. Ее дальний форпост, практически символ российской бесконечности. Авченко и несет частичку света этой бескрайности и безбрежности.

Он стал важным голосом этого притягательного места, без которого едва ли возможна Россия. Тот случай, когда условное краеведение не стало локальным разговором для узкого круга ценителей, а обрело формат серьезного и универсального в масштабах всей страны. Авченко литературно конвертировал для всей страны этот знаковый город и территорию, обозначил вектор на Север, на океан. Он — преданный астроном дальневосточного космоса, через него познающий отечественную цивилизацию. Что-то схожее сделал Илья Лагутенко со своим «Владивостоком-2000».

Мы познакомилась в преднацбестовом Питере, как раз когда его «Правый руль» был в премиальном шорт-листе. Были на Литераторских мостках Волковской кладбища. Есть фото, сделанное по возвращении оттуда в поезде метро: Василий, Захар Прилепин и я. За спинами случайным образом оказалась реклама со слоганом «Нам не стыдно». И вправду, чего стыдиться. Общались в Москве, в Нижнем, вместе ездили в Донецк, он приезжал ко мне в Северодвинск, к Белому морю, из Приморья в Поморье. Спустя несколько лет я благодаря фестивалю «ЛиТР» попал в вечно манящий, далекий и загадочный Владивосток. Разъединяющее пространство объединяло, создавая рифму «из Приморья в Поморье» и наоборот.

В «Правом руле» Авченко уже дает себе творческое задание на будущее: «У некоторых мест, тем и времен — избыток летописцев. У других дефицит. Из-за этого жизнь, живая, разнообразная, уходит в песок». Вот поэтому он стал голосом и летописцем места и времени. И в этом случае как раз можно говорить о гражданской позиции.

Авченко работает с ключевыми образами, отражающими заложенный в них цивилизационный код места, который затем дешифрует. Отсюда и особая формула-путь: правый руль, камни и рыбы, нерегламентированный человек — все это глобус Владивостока. Являющийся, при всей своей уникальности, отражением отечественного цивилизационного пути.

Те же японские иномарки — что это, как не трансформация чужого, становящегося своим?.. Кстати, об этом еще философ Павел Бицилли писал, говоря о восприимчивости и распахнутости отечественной культуры.

«Японка» на российской дальневосточной почве стала «счастливым недоразумением», здесь ей дается вторая жизнь. Так и возникает «странная ситуация», сродни мини-чуду, при которой «левый руль постепенно вытесняется правым, но движение по-прежнему остается правосто-

ронним». Все это совпало с началом девяностых, которые были «временем надежд и диностей, веселого коллективного самодубия и попыток согреться у костра, в который превратился наш дом». О многом по этому поводу можно порассуждать, многие аналогии провести.

В том числе и об особенностях отечественного цивилизационного строительства. Например, отражающихся в языке, который «играючи переварил многие тонны японского железа, сделав их фактором русской речи». Вот и Авченко через «появление дальневосточного автомобильного жаргона», через ассимиляцию «японок» исследует формирование «на востоке страны новой социальной группы». При всей новизне она организуется типично по-русски, как и в любой из веков ее истории. Поэтому речь не только о новизне и особости, но и о возможности в современной реальности увидеть корни отечественной исторической эволюции, ее отражение.

Японские иномарни, по мысли автора, на русской почве стали средством преодоления хаоса девяностых. Помимо этого, они закрепили людей за территорией и не дали ей превратиться в безлюдное место, стали «одним из немногих факторов, еще удерживающих русских людей на этой стремительно пустеющей территории».

Дебютный «Правый руль» — свидетельство и фиксация разлома страны, которая все более превращается в «конструкцию», причем «странную» гибридную: «нвасисоветскую по форме и антисоветскую по содержанию». Практически как «японка» на русской почве...

В книге есть и одиночество, и тоска, и понимание того, что «мы ужасно мало знаем друг о друге», хотя все еще схоже мыслим и примерно одинаково чувствуем, рожденные в СССР (надо сказать, что Авченко родился в олимпийский 1980 год). Но процессы разделенности, гигантский раскол делают свое дело, в том числе и в территориальном вопросе. Мало того, именно территории — главная цель раскола и последующей за ним великой отечественной депрессии, в которой действовали все те же стихии хаоса, только несолько приглушенно. Еще идеологами перестройки территории представлялись главной проблемой.

Например, перестроечный «архитектор» Александр Яковлев отечественную традицию воспринимал за главное зло и причину всего дурного, происходящего в стране. Корни зла — в тысячелетней истории, их питают «размеры страны и трудности ее социального освоения». Отсюда и шатание между жесткой централизацией и децентрализацией страны, где перспектива — распад. То, что территории — проблема, открыто не проговаривалось, но вектор и логика рассуждения были предельно понятны.

Территории и пространства — поле битв современности. Они атакованы энергиями раскола, которые взяли их в долговременную осаду. Все это делает территории героем нашей современности, а также выводит на первый план человека, занимающегося их освоением, собиранием, становящегося щитом на пути распада и последующей пустоты. Возникающий в этой связи образ писателя Олега Нувеева вовсе не случаен.

Поэтому когда Авченко пишет, что «моя настоящая родина — СССР», он протестует против наступления на отечественные пространства, против стереотипного их восприятия и против навязывания им чужого формата и однообразного вектора движения.

«Правый руль» — одновременно и манифест, и внутренний диалог, и хроника постсмутных времен. Одна из важных книг, во многом предвос-

хитивших новые процессы распада, которые, как и писал Авченко, нигде не пропали, а, наоборот, грозят обрушиться вновь со всей своей разрушительной мощью.

Авченко показывал не только формирование «дальневосточной нации» через тот же правый руль, но и усиливающиеся процессы разобщения внутри страны. Она «разламывается на островки, которые расходятся все дальше друг от друга, как когда-то материки». И то, что сейчас все это подгримировано, ничего не меняет. Происходит дальнейшее наступление пустыни, в том числе и через исход людей, в том числе и через превращение земли в terra incognita, в абстрактную категорию.

«Любая российская провинция — terra incognita, ждущая своих Пржевальских и Арсеньевых», — пишет автор, и через это в очередной раз становится понятно, что его разговор далеко не локальный, речь идет о большой России — ее территориях, где плюс-минус одинаковые проблемы. Василий Авченко сетует на то, что Приморье «норчится безъязыким», отсутствует адекватная коммуникация со страной, другими ее регионами. Однако не только у Дальнего Востока нет «своего голоса», и прочая страна, так называемая провинция, а это вся немосква, остается практически безгласной.

Мы действительно мало знаем друг о друге. И вполне возможно, что под покровом этого незнания могли зародиться новые нации, наподобие тихоокеанцев-праворульщинов, о которых повествует Василий Авченко.

«У нас появились свои ориентиры, свои стандарты, своя система ценностей», — пишет Авченко о новой владивостонской ментальности. Всё это следствие близости и ориентации на автомобильную Японию, что синтезировалось в образе правого руля — «нерве», «философской категории», через который возможно понимание Владивостока.

Правый руль — «солнечное сплетение», «болевая точка», «последний предел» дальневосточной нации. Символ спасения и надежды во времена крушения империи. Согласно Авченко, когда государство бросило Дальний Восток, там нашли выход для осознания своей самости — правый руль, ставший «методом выживания» или тем самым «подножным кормом», которым вся страна спасалась в то время. Тогда по всей России были свои символы спасения. Где-то огороды дачников, где-то тугие баулы челноков...

Правый руль — не просто иное техническое решение, иной, занесенный извне метод езды, который не вписывается в свод ПДД. По версии Василия Авченко, он стал манифестом Дальнего Востока, «катализатором долгожданного возникновения зачатков гражданского общества», символом «противостояния Системе». Правый руль вырос в политическую категорию — «единственную безусловную ценность для приморцев», сформировав свою особую систему ценностей. Назус в виде правого руля меняет человека, делает его не как все, ведь сам автомобиль «расширяет границы дозволенного», дает «чувство свободы и чувство ответственности».

В трантовке Авченко, Владивосток — это уже не провинция, а «другая Россия», «особый мир», который пона еще зависит от Москвы, но все более переходит на автономные источники существования, расходящиеся и даже конфликтующие с общепринятыми нормами...

Дальний Восток — «экстремальная, доведенная до абсурда, гипертрофированная Россия. Отрезанный ломоть и территория неопределенности». Все ее существование аномально и не поддается законам здравого смысла. Она существует все еще вопреки. «Я вообще не вполне

Дальний Восток — «экстремальная, доведенная до абсурда, гипертрофированная Россия. Отрезанный ломоть и территория неопределенности». Все ее существование аномально и не поддается законам здравого смысла. Она существует все еще вопреки.

понимаю, каким непостижимым образом по-прежнему существует такая огромная и все-таки условно единая Россия», — недоумевает автор. Это «разорванное пространство», которое походит на «расколотые черепки империи». И при этом наблюдается катастрофическое затухание творческой энергии страны, которой «хватает только на то, чтобы еле-еле поддержать построенное ранее советскими атлантами».

Василий Авченко родился в Союзе, вырос в «перестроечном дурмане отрицания всего советского», затем через опыт от противного стал уже сознательно советским человеком. Это не какая-то идеологическая перверсия, а ориентация на единство, целостность с четким пониманием, что «СССР нам уже никто не вернет», но необходимо сохранить оставшееся и начать новое собрание — как территорий, так и народа. Продолжить тысячелетнее цивилизационное строительство.

Советский народ «распался на множество обитателей постсоветского пространства, которое сразу же пошло трещинами, наполнилось гибельными веществами злобы и нищеты». Теперь плацдарм противостояния этим разломам — Россия, ее территории и русский человек, который также оказался «размагниченным», превращенным «в аморфное, лишённое возвышающей цели множество».

Многие проблемы возникают из-за дисбаланса между периферией и центром, из-за того, что центробежные тенденции, мягко говоря, далеко не в чести, а ведь в них — пути освоения и собирания страны. Этот процесс не одномоментный, он должен идти нон-стопом. Речь идет о работе с территориями, включении их в общую взаимообогащающую орбиту страны. Тогда и она становится драгоценным кристаллом.

Вот поэтому автору и интересны процессы собирания в новое качество, когда островки большой России преодолевают состояние разрозненной множественности. Дальше уже эти островки из множественности должны собираться в новое единство, которое будут шить как центро-стремительные, так и центробежные процессы освоения и познания территорий. Поэтому тот же «правый руль» и «нация дальневосточников» хороши до поры, дальше возникает вопрос перерождения их в новое качество. И здесь они уже могут играть деструктивную роль и стать «линией разлома», когда начнется перетягивание каната, где с одной стороны —

москвичи, а с другой — дальневосточники. Эта борьба может вылиться в «отложенное продолжение процесса ликвидации СССР» с трансформацией во «Владивосток-3000» с его Тихоокеанской республикой. Собственно, об этом и речь. Через географию, через описание правого руля и дальневосточной инаковости Авченко подошел к пониманию не только формирования общности, но и отложенности процессов распада. Что мир выстраивается не на руинах прежнего, а в ожидании продолжения катаклизмов. Вулкан распада только чуть притаился, взял паузу.

Россия, по Авченко, подобна сердцу, которое то сжимается, то расширяется. Сейчас мы застряли в полосе сжатия, и эту тенденцию необходимо переломить: «Очертания России нольхались, уточнялись, она то сжималась, то расширялась, как сердце. Последний раз расширялась в 1945-м, сейчас проходит через сжатие. В 1991 году мы потеряли много земли и еще больше того, что под землей. Но нам по-прежнему есть что терять» («Кристалл...»). Пона есть, мы еще не превратились в мертвую ранушку, которая очень быстро растворится в океанской воде истории.

По сути, история правого руля, как его представил Авченко, есть описание противоборства энергий распада и единения. Проблема в том, что «наша эпоха красива гнилой последней сладостью, хмельным самоубийственным восторгом». Можно это списать на то, что на момент написания «Правого руля» память о 90-х еще не ушла в историю и не мифологизировалась. С другой стороны, и до сих пор присутствует стойкое ощущение, что чаши весов все еще балансируют и колеблются в сторону распада.

Тут и эхо разломного 91-го года возникает. Праворульный протест и параллельное воспоминание о днях августовского путча, когда на этой же площади собирались люди. Одиннадцатилетний пацан пришел туда вместе с отцом, они кричали «Долой хунту!». Сейчас он пишет, что скандировал бы уже «что-нибудь прямо противоположное».

Дебютный «Правый руль» Авченко явился важным разговором под занавес «тучных» нулевых о денорированных энергиях распада и продолжающемся сжатии сердца страны. Схожее будет позже у Романа Сенчина в романе «Зона затопления», где проговаривается мысль о том, что сейчас пустота лишь заретуширована системой имитаций, прикрыта миражным блеском внешнего благополучия. Она приспособливается, мимикрирует под востребованную повестку дня, транслирует ту риторику и те образы, которые ждут от нее в данный момент. Эта имитация приходит на смену основательного, векового...

Жанр дебютной книги Василия Авченко был обозначен как «документальный роман». Это, скорее, художественная публицистика. Причем именно такая форма наиболее подходит для предмета разговора. В этом и особая позиция автора, который полагает, что «современная проза перетекает в журналистику и наоборот». Надо сказать, что себя Авченко относит к жанровым «мутантам» и говорит, что жанровая чистота его не особенно волнует, ведь «метисы часто бывают особенно красивы». Быть может, именно таковыми и являются люди территорий, вбирающие в себе местное и всеобщее.

Художественная публицистика Авченко все больше дрейфует в сторону поэзии. Это заметил еще Захар Прилепин, написавший предисловие к «Кристаллу...». «Информационная поэзия», как отметил Прилепин. Именно что поэзия. Ее Авченко изыскивает в правом руле, высенает из камня, ищет и находит в человеке. В ней — ключи понимания и видения мира.

В его публицистическо-поэтической картине мира все взаимосвязано, все взаимотражается, поэтому понять мир можно через принцип подобия. Он позволяет увидеть систему отражений одного в другом. Так является чудо. Подобие себе нашел и сам Василий, утверждая, что его настоящая профессия — трепанг: «Нак он фильтрует воду, так я пропускаю через себя информацию».

Особая способность видения поэзии преодолевает и устойчивое деление живой и неживой природы, реального и сказочного: «Сказки Пушкина о рыбе и Бажова о камнях для меня — самый настоящий реализм». Поэтому появляется другой принцип: возможно все, включая русалок в океанских глубинах, ничто чудесное не невозможно. Все находится в особом единстве, круговороте, который устраняет любые границы. Все это и есть настоящая поэзия. Тот же «Кристалл...» Авченко вполне мог бы быть записан столбцом.

В книге «Штормовое предупреждение», написанной совместно с Андреем Рубановым, любовная линия связывает два измерения, две планеты — российский Запад и Восток. Завязкой является случайная встреча героя с 19-летней Варей — «пришлицей с отдаленного Запада» из города «на другом конце глобуса» — Петербурга.

В книге возникает все тот же один из главных вопросов, который стоит перед нашими современниками, живущими на периферии страны: уехать или остаться. Выбор за «остаться» — если сросся с территорией (или, как во «Владивостоке-3000», стал подключенным к ней). Исход людей напрямую связан с оставлением и потерей пространства, а значит, возникает вопрос ответственности: в бегстве есть что-то от предательства. Недаром в книгу вставлен сюжет о сдаче военно-морской базы в Камрани, где служил дед героини.

Главный герой «Штормового предупреждения» сросся с территорией, принял мир. Он — человек этого места, будто слитый с ним воедино. Здесь он свой и нужен, здесь он знает, как «устроен мир», и ведет себя в нем по-хозяйски. Именно поэтому ощущает себя счастливым и везунчиком, что живет здесь, и это ощущение счастья проходит через всю книгу до ее финальной точки. Танов ведь и сам Василий Авченко, ставший маяком и светильником для территории. Подключенным. «Периферийцем».

